

В. НАУМЕНКО

КУБАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИК

Третий год издания.

ИЮЛЬ — АВГУСТ

1962 г.

№ 17

VYACESLAV NAUMENKO

P. O. Box 323

BLAUVELT, N. Y.,

U. S. A.

В. Науменко.

КУБАНСКИЙ

исторический и литературный

СБОРНИК.

№ 17 - июль-август - 1962 г.

Блаувелт. США.

Послано 3-26-63г. 1 дел.

О г л а в л е н и е :

Положение о Кавказском Линейном казацьем Войске. 1845 г.....	стр. 3
То не черный ворон/Линейная песня/.....	" II
Христианство среди черкесов.- В. Науменко.....	" II
Отрывок воспоминаний о жизни на Кубани в шестидесятых и семи- десятих годах прошлого века. -Др. С. М. Машенко.....	" 17
Д-р А. А. Жемчужный.- В. Н.....	" 20
Братцы, спасите!... А. А. Жемчужный.....	" 22.
Генерал Я. Г. Кухаренко.- В. Н.....	" 27
Вороной конь.- Я. Г. Кухаренко.....	" 27.

ПОЛОЖЕНІЕ

о Кавказскомъ Линейномъ ка-
зачьемъ Войске 14 февраля
1845 г.

- Окончание -

Отд. III. - ОБЩИЯ ПРАВИЛА ПО ВОЕННОМУ И ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ ВОЙСКА.

I. О переписи малолетковъ.

§ 312. Переписи подлежатъ все дети мужеского пола: а/ офицерскія, рожденныя въ казачьемъ или урядничьемъ званіи отцовъ ихъ; б/ собственно урядничьи, писарскія и фельдшерскія; в/ священно- и церковно-служителей казачьяго происхожденія, остающіяся за пополненіемъ церковныхъ штатовъ, и г/ казаки.

§ 313. Все они, по достиженіи 17 лѣтъ отъ рожденія, подъ именемъ малолетковъ, употребляются въ станичныя повинности въ теченіе двухъ лѣтъ, т.е. по двадцатый годъ ихъ возраста..

§ 314. Со вступленіемъ въ двадцатый годъ, все малолетки зачисляются въ казаки и приводятся къ присягѣ на верность службы.

§ 315. Малолетки, въ продолженіе двадцатаго года возраста, увольняются отъ станичныхъ повинностей, на тотъ конецъ, дабы могли снабдить себя всеми потребностями къ полевой службѣ.

§ 316. По истеченіи сего срока, т.е. съ наступленіемъ 21 года, малолетки записываются въ казаки и вступаютъ въ отправленіе действительной службы, по очереди.

§ 317. Если при самомъ назначеніи малолетковъ въ казаки, окажутся въ числѣ ихъ совершенно неспособные, по телеснымъ недостаткамъ, къ полевой службѣ, то по представленіямъ Станичныхъ Правленій, они свидѣлствуются полковыми и бригадными Командирами обще съ войсковымъ медикомъ и при действительной неспособности ихъ къ полевой службѣ, распределяются, съ разрѣшенія Войскаго Наказнаго Атамана, на внутреннюю службу въ войскѣ.

§ 318. Для своевременнаго назначенія на службу казачьихъ детей, въ § 312 поименованныхъ, все родившіеся въ станицахъ младенцы обоюбого пола, записываются въ метрическія церковныя и станичныя книги. Книги сии ведутся со всею верностью, по правиламъ войска Донскаго.

§ 319. Въ исправномъ составленіи метрическихъ книгъ, обязываются подписками Правители каждой станицы и, посредствомъ духовныхъ Правленій, станичные Священники. За утайку, или несрочную записку въ эти книги, детей, Станичные Начальники и самые отцы новорожденныхъ, неукоснительно подвергаются взысканію, определенному въ ст. 1944 и 1948 - 1951, кн. 2, ч. I, Свода Военныхъ постановленій.

II. О принятіи въ службу детей чин- новниковъ.

§ 320. Дети штабъ и оберъ-офицеровъ Кавказскаго казачьяго войска, по исполненіи имъ 16 лѣтъ отъ роду, принимаются на службу прямо въ полки и батареи, имъ въ войскахъ присутствіемъ места, сообразно ихъ желанію и способностямъ.

§ 321. Каждый должностной поступить на службу, подает просьбу Войсковому Наказному Атаману, прилагая к ней свидетельство Войскового Правления о своем происхождении и метрическое свидетельство о крещении.

§ 322. Войсковой Наказный Атаман, разрешая принятие на службу детей из дворян, в то же время просьбы их с документами вносит на рассмотрение Департамента Военных Поселений и предписывает считать их на праве дворян не прежде, как по получении на то Департамента.

§ 323. Дети чиновников войскового сословия, не получивших действительного с армейскими чинами сравнения, а также чиновников, которые обер-офицерскими чинами награждены при отставке от службы, принимаются в полки, конно-артиллерийские батареи и канцелярские должности, на правилах вольноопределяющихся.

§ 324. Дети чиновников, рожденные в урядничьем или казачьем звании отцов их зачисляются в полки, батареи и канцелярские должности, на основании дополнения к статье 1966, 3 Положения 2 кн., I ч. свода Военных постановлений, наравне с детьми обер-офицеров регулярных войск, рожденных в нижнем звании их отцов.

§ 325. При приведении в известность детей чиновников Кавказского войска и распределения их на службу по их происхождению, Войсковой Наказный Атаман и Войсковое Правление руководствуются ст. 1958-1971, кн. 2, ч. I свода Военных постановлений.

III- О производстве в чины .

§§ 326-341.

Производство в офицерские чины осуществляется на основании Высочайших приказов, тоже и производство урядников в хорунжие.

Производятся офицеры на вакансии и за боевые отличия.

В артиллерии "в виду трудности артиллерийской службы" по чина есаула производство идет не по общему войсковому списку, а по отдельному - по конно-артиллерийской бригаде и только производство в войсковые старшины, в виду неимения этого чина в артиллерии, идет по войсковому списку, с переводом из артиллерии в войско.

Урядники из дворян и обер-офицерских детей, при совершенном знании ими службы производятся в хорунжие на вакансии, первые по выслуге в урядничьем звании не менее двух лет, а последние - четырех.

Окончившие университет и студенты производятся вне вакансий, первые по прослужении в урядничьем звании трех месяцев, вторые по прослужении шести месяцев.

Урядники из казачьих детей по выслуге на действительной службе 12-ти лет, а в канцеляриях 20-ти лет, по удостоению начальства могли быть произведенными в хорунжие.

IV. О б ъ о т с т а в к е о т ъ с л у ж б ы .

§§ 342 - 361.

а- О ф и ц е р ы :

Офицеры увольняются в отставку: а/ за выслугу определенного срока и б/ за полученными в сражениях ранами и по неизлечимым болезням. Выслуга лет для офицеров 25 лет, а из них, кто происходит не из дворян, прибавляется к 25-ти годам, еще не менее 6-ти лет.

Увольнение в отставку по ранениям и болезням - лишь по особым медицинским свидетельствам.

При увольнении в отставку офицеры получают или следующий чин и мундир, или право на ношение мундира, или же не получают ничего.

На повышение в чине и на ношение мундира имеют право те которые беспорочно прослужили 25 лет, были ранены в бою, или в делах против неприятеля, оказали отличную храбрость и благоразумие и находились на действительной полевой службе не менее 12 лет и, сверх того: в последнем чине обер-офицерском состояли не менее трех лет, а в штаб-офицерском не менее 5 лет.

Право ношения мундира имеют те, которые благодаря тяжелым ранениям в сражениях лишились возможности продолжать службу и выходят в отставку ранее двадцати-пятилетнего срока, а также те, которые не оказали особого отличия, но при беспорочной службе 25 лет, находились на полевой службе не менее 10 лет.

Все прочие офицеры при отставке не получали ничего.

б/ Нижние чины.

Нижние чины увольняются в отставку или по выслуге срока, или за получением в сражениях тяжелых ранений и за неизлечимыми болезнями.

Общий срок выслуги для казаков: по полевой службе 25 и по внутренней 5, а всего 30 лет. Для конно-артиллеристов, срок ограничивается 25 годами.

Урядники "которые умеют читать и писать и все время службы вели себя беспорочно" по прослужении полного срока, в том числе не менее 12 лет в урядничьем звании, награждаются чином хорунжего.

Нижние чины раненные на службе или неизлечимо больные увольняются от службы и ранее 30 лет, но лишь после строгого освидетельствования

У- О П е н с и я х .

§§ 362 и 363. Пенсию получают офицеры раненные в бою, а также вдовы и сироты оставшиеся после них, после убитых в бою с неприятелем и умерших от ран.

Отд. IV - О в о й с к о в о м ъ х о з я й с т в е и п о в и н н о с т я х ъ .

I. О в о й с к о в ы х ъ д о х о д а х ъ и р а с х о д а х ъ

§ 364. Доходы и расходы Кавказского казачьяго войска разделяются на войсковые и станичные.

а/ Д о х о д ы в о й с к о в ы е .

§ 365. Войсковые доходы составляют: 1/ Часть суммы, отделенной ежегодно войску по Высочайшему повелению 20 января 1838 года, от откупных питейных сборов Кавказской области. 2/ Сбор от от-

дачи, на общих правилах, въ откупное содержание нефтяных источников при крепости Грозной. 3/ Сбор за лавки и места на значительнейших ярмарках въ войске. 4/ Сборъ съ перевозовъ, содержимыхъ отъ войска. 5/ Сборъ с казаковъ, состоящихъ въ Торговомъ Обществе. 6/ Сборъ съ казаковъ торгующихъ, но не принадлежащихъ къ Торговому обществу. 7/ Вычетъ узаконенныхъ процентовъ изъ окладовъ чиновниковъ внутренней службы. 8/ Проценты съ войскаго капитала.

Суммы войскаго капитала, по мере накопления, отсылаются въ кредитныя установления; а въ Войсковомъ Казначействе остаются часть оныхъ, определенная собственно на покрытие штатныхъ издержекъ

§ 366. Войсковое начальство прилагаетъ особенное попечение объ

усилении войсковых доходов и объ открытии новых для них источников. Оно строго наблюдает за поступлением доходов въ определенное время и въ полномъ числѣ.

б/ Войсковые расходы.

§ 367. Предметы войсковыхъ расходовъ определяются въ подробности настоящимъ положениемъ и штатами.

§ 368. Передъ истечениемъ каждаго года, Войсковое Правление составляетъ смету о войсковыхъ доходахъ и расходахъ изъ войсковыхъ суммъ, предполагаемыхъ на предстоящий годъ.

Далее в §§ 369-373 говорится о томъ, что смета утверждается Военнымъ Министерствомъ, что в случаяхъ если появятся непредвиденные расходы, испрашивается разрешение Военного Министерства и лишь в случаяхъ не терпящихъ отлагательства, предоставляется право Командующему войсками на Кавказской лини и в Черноморіи решать расходы не превышающіе в течение года 3.000 рублей.

а-Станичные доходы.

§ 374. Доходы станицъ суть: 1/ Сборъ съ станичныхъ оброчныхъ статей, угодій и земель, кои останутся въ станицахъ за наделениемъ ихъ землями. 2/ Сборъ съ перевозовъ на станичной землѣ, по изданной отъ Войскаго Правления таксе. 3/ Прибыль отъ общественныхъ мельницъ и пастбищныхъ местъ. 4/ Сборъ за лавки и места, съ весовъ и меръ, въ базарные дни и во время ярмарокъ, гдѣ сборъ этотъ Войсковымъ Правлениемъ будетъ предоставленъ станицамъ. 5/ Сборъ отъ отдачи въ оброчное содержание рыбныхъ ловель, состоящихъ во владении станицъ. 6/ Штрафовъ за самовольную порубку и продажу въ посторонніе руки станичныхъ лесовъ, за впускъ скота въ лесныя дачи, за отолочение сенокосовъ, за неявку на станичномъ сборѣ въ положенные дни, или по повестке и пр. 7/ Пеня за неявку къ исправлению повинностей. 8/ Сборъ за выдачу билетовъ, какъ отставнымъ, такъ и состоящимъ на внутренней службѣ казакамъ и малолеткамъ, уволеннымъ на срочное время для заработковъ и промысловъ въ пределахъ войсковой земли и области, и вне ихъ.

б-Станичные расходы.

§ 375. Къ станичнымъ расходамъ принадлежатъ: 1/ Содержание Станичныхъ Управлений, 2/ Содержание станичныхъ школъ. 3/ Возведение новыхъ и поддержание существующихъ уже станичныхъ церквей. 4/ Построение станичныхъ сборныхъ домовъ, запасныхъ хлебныхъ магазиновъ; жалованье смотрителямъ магазиновъ и пр. 5/ Постройка помещений для постовъ на кордонной лини. 6/ Устройство станичныхъ богаделенъ. 7/ Устройство мостовъ, паромовъ и лодокъ для перевозовъ. 8/ Воспомоществование безпомощнымъ, дряхлымъ и вдовамъ въ техъ случаяхъ, когда они не могутъ быть призрѣны въ станичныхъ богадельняхъ. 9/ Заведение и содержание пожарныхъ инструментовъ.

II. О вспомогательномъ капиталѣ.

§ 377. Вспомогательный капиталъ учреждается для доставления пособовъ собственно офицерамъ казачьяго сословія и нижнимъ чинамъ Кавказскаго казачьяго войска къ снабженію себя служебными потребностями.

§ 378. Капиталъ этотъ определяется въ восемьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, единовременно отчисляемыхъ изъ общей войсковой суммы.

Далее в §§ 379-394 говорится о подробностяхъ расхода средствъ Вспомогательнаго капитала, об отчетности и ответственности лицъ ведающихъ капиталомъ и взявшихъ пособия изъ него.

Вспомогательный капитал состоит в ведении и на ответственности Войскового Наказного Атамана и Войскового Декурства.

Пособия из него выдаются в виде займа без процента с возвращением в течение трех лет, и только для нижних чинов срок этот может быть продлен до шести лет.

Пособия из этого капитала офицерам выдаются лишь по удостоверению Командира бригады в том что данное лицо в нем нуждается.

Из нижних чинов пособиями пользуются: 1/осиротевшие, не имеющие собственного хозяйства, 2/Причисленные в казаки по распоряжению начальства и не успевшие обзавестись всем потребным для службы, 3/Лишившиеся от пожара своего имущества 4/ Вывшие в беглость по разным случаям: смерть жены или взрослых детей, неурожай хлеба, скотский падеж и пр.

Размер пособий не должен превышать: для офицеров - годового жалования, для нижних чинов от двадцати пяти до пятидесяти рублей серебром на каждого.

В случае смерти взявшего пособие из вспомогательного капитала, сумма взыскивается с оставшегося их имущества, кроме офицеров и нижних чинов убитых в боях с неприятелем, или умерших от ран. оставшиеся на них недоимки по пособиям из вспомогательного капитала с них слагаются.

III- О торговле и промышленности.

§§ 395-401.

Все жители Кавказского Войска имеют право свободной торговли и промышленности как внутри войсковых пределов, так и вне их.

Торгующие казаки делятся на а/ Занимающиеся торговлею временно, до поступления на службу и б/ Поступающих в торговое общество и постоянно в нем пребывающих.

Число казаков занимающихся торговлею временно, не ограничено. Число казаков торгового общества не больше 200 человек по всему войску.

Торгующие казаки платят в Войсковой капитал, состоящие в Торговом обществе ежегодно 60 рублей, а торгующие временно на сумму 1.000 рублей ассигнациями или 286 р. 43 коп. серебром - 7 руб. 15 коп. серебром.

IV- О поземельных довольствияхъ.

§ 402. Земли Кавказского линейного казачьего войска, по числу существующихъ ныне полковъ, делится на 17 полковыхъ округовъ.

§ 403. Изъ земель полкового округа отводятся каждой его станице поземельные довольствия, по числу чиновниковъ войскового сословия, казаковъ и церковныхъ причтовъ, и сверхъ того, участки для разведения станичныхъ лесовъ и для почтовыхъ станций.

§ 404. Мера поземельныхъ довольствий определяется въ Кавказскомъ линейномъ войске следующая: 1/ Въ полкахъ праваго фланга Кавказской линии: 1 и 2 Кавказскихъ, 1 и 2 Кубанскихъ, 1 и 2 Лабинскихъ, 1 и 2 Ставропольскихъ и 1 и 2 Ахперскихъ - штаб-офицерамъ по 300 десятин, оберъ-офицерамъ по 60 десятин и нижнимъ чинам по 30 десятинъ на душу. 2/ Въ полкахъ центра: а/ 1 и 2 Волгскихъ и Горскомъ - штаб-офицерамъ по 300 десятин, оберъ-офицерамъ по 60 десятинъ и нижнимъ чинам по 30 десятинъ на душу. б/ въ Восточно-Кавказскомъ - штаб-офицерамъ по 300, оберъ-офицерамъ по 60 десятинъ, и нижнимъ чинамъ по 15 десятинъ на душу. Въ Моздокскомъ - штаб-офицерамъ по 400 десятинъ, оберъ-офицерамъ по 100 десятинъ и ниж

нимъ чинамъ по 50 десятинъ на душу. Изъ сего исключаются станицы: Курская и Луковская, отчисленные от Горскаго полка въ Моздокский. Казаки этихъ станицъ наделяются по 30 десятинъ на душу. 3/ Въ полкахъ леваго фланга линии: Гребенскомъ и Кизлярскомъ штабъ-офицерамъ по 400 десятинъ, оберъ-офицерамъ по 100 десятинъ и нижнимъ чинамъ: въ Гребенскомъ— по 36 десятинъ, а въ Кизлярскомъ— по 21 десятине. Въ Кизлярскомъ полку недостатокъ поземельныхъ до-вольствий заменяется выгодами отъ промышленности: виноделия и са-доводства.

§ 405. Количество земель для каждаго полкового округа, согласо-предназначенному населению для каждаго полка въ 6.000 душъ му-жескаго пола, определяется приложеннымъ къ § 5-му сего положения расписаниемъ.

П р и м е ч а н и е редакции: см. стр. 5-13 К 6. Сборника № 14.

§ 406. Въ полковыхъ округахъ, сверхъ вышеозначенныхъ поземель-ныхъ довольствий, отводятся участки: 1/ Церковнымъ причтамъ ста-ничныхъ церквей во всехъ полковыхъ округахъ, по 99 десятинъ каж-дому причту, — и 2/ Каждой станице: а/ для разведения лесовъ по 150 десятинъ и б/ для почтовыхъ станций по 30 десятинъ на каждую.

§ 407. Независимо отъ сего, отводятся особые участки на выгоны и сенокосы: а/ въ каждомъ полковомъ округе, для штабъ-квартиры, 400 десятинъ, и б/ въ округахъ где расположены артиллерийские ба-тарей, для батарейныхъ квартиръ по 200 десятинъ для каждой.

§ 408. Въ техъ полковыхъ округахъ, где за вышеизъясненными на-делами, останутся свободныя земли, оне составляютъ полковой запасъ для удовлетворения прибыли населения, и отдаются, по распоряжению войскового начальства, въ оброчное содержание. Сумма, отъ сего вы-ручаемая, разделяется между станицами каждаго округа соразмерно народонаселению станицъ, поступаетъ въ число станичныхъ доходовъ.

§ 409.

войсковые чиновники, въ число назначенной имъ § 404 пропорции получаютъ 2/3 пахотной и сенокосной земли, а 1/3 оставляютъ въ общественномъ станичномъ пользовании, для пастби скота.

У. О войсковыхъ лесахъ.

§ 411. Все леса, которые при разграничении войсковыхъ земель будутъ отведены во владение войска, составляютъ неприкосновенное войсковое имущество.

§ 412. Войсковые леса, находятся въ непосредственномъ веде-нии Войскового Правления

§ 413. Никакая часть войсковыхъ лесовъ не можетъ быть отводи-ма въ частное владение.

§ 414. Всякая самовольная порубка или истребление инымъ обра-зомъ войсковыхъ лесовъ подвергаетъ виновнаго суждению, какъ за порубку казеннаго леса, со взысканиемъ въ пользу войска штрафа, на основании Леснаго Устава.

В §§ 415-417 говорится о надзоре за войсковыми лесами : смотритель,, в помощь ему урядник и нужное число казаковъ внут-ренней службы.

УІ. О земскихъ повинностяхъ войска.

§ 418. Земскія повинности Кавказскаго линейнаго войска суть: 1/ Содержание въ исправности дорогъ, не исключая и почтовыхъ, мос-товъ, гатей и перевозовъ, существующихъ на войсковыхъ земляхъ.. Лежащая ныне на казачьихъ полкахъ: Кизлярскомъ, Гребенскомъ и Моз-

докскомъ повинность по укреплению береговъ Терека въ пределахъ сихъ полковъ, слагается съ войска. 2/ Местная обязанность при переходахъ черезъ войско воинскихъ командъ, ремонтовъ и казенныхъ транспортовъ, въ отношении ихъ квартирования, продовольствия и вообще доставления средствъ къ удобнейшему следованию. 3/ Препровождение арестантовъ. 4/ Содержание земской почты. и 5/ Составление хлебныхъ запасовъ продовольствия.

Въ последнемъ параграфѣ этой статьи/§ 419/ перечисляются законоположения од этихъ земскихъ повинностяхъ

Отд. У. — О благоустройствѣ вообще.

I. О духовенствѣ и церквахъ.

§ 420. Духовенство Кавказскаго казачьяго войска состоитъ въ заведывании епархиальнаго начальства Кавказской области.

§ 421. Священно и церковно-служители собственно казачьяго происхождения, равно и ихъ дети, въ личныхъ правахъ, степени зависимости отъ войска, подсудности и пр., сравниваются съ духовенствомъ войска Донскаго, на основаніи ст. 2-8, приложения къ ст. 207, кн. 6, т. 2. Свода особен. Губ. Учрежд./изд. 1842 г./

§ 422. Церковные причты въ войске, которымъ по утверждения настоящаго положенія, назначены были оклады жалованія особыми Высочайшими повелѣніями, отъ войска, или отъ казны, сохраняютъ это содержание и на будущее время.

§ 423. Въ отношеніи церковнаго имущества Кавказскаго казачьяго войска, доходовъ, сбора ихъ, хранения и употребленія, исполняются правила, существующія на сей предметъ въ войске Донскомъ.

II. О медицинской части войска.

§ 424. Медицинскую часть въ войске образуютъ: а/ войсковою медикъ, б/ войсковые лазареты съ ихъ медицинскими чинами и в/ ветеринарные врачи.

а/ О войсковыхъ медикахъ.

Въ §§ 425 и 426 говорится, что назначается онъ Медицинскимъ департаментомъ Военнаго Министерства, подчиняется Войсковому Наказному Атаману. Онъ заведуетъ всею медицинскою частью войска и медицинскими чинами войска и по медицинской части подчиняется Старшему Доктору войскъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

б/ О войсковыхъ лазаретахъ.

Въ §§ 427-436 говорится о томъ, что лазаретовъ полагается по одному в каждой бригадѣ, на 40 кроватей каждый. Назначаются эти лазареты исключительно для чинов войска. Посторонніе могутъ приниматься туда, когда будутъ вакантные места. Войсковые лазареты содержатся за счетъ войска, кроме медикаментовъ, которые отпускаются изъ Ставропольской казенной аптеки. Войсковые жители пользуются въ лазаретахъ бесплатно, но у больныхъ служащихъ удерживается в пользу войска провиантъ/такъ какъ они кормятся в лазарете бесплатно/

За лечение в лазаретахъ лицъ постороннихъ войску, взимается плата.

Войсковые лазареты находятся в веденіи Полковыхъ управленій. Число медицинскихъ чиновъ определяется особыми штатами. Лекаря назначаются Медицинскимъ департаментомъ Военнаго Министерства изъ лицъ к войску не принадлежащихъ, а фельдшера изъ войска. Для обученія казачьихъ малолетковъ фельшерскому искусству, они проходили специальную подготовку.

в/ О войсковыхъ ветеринарныхъ
врачахъ .

В §§ 437, 438 и 439 о них сказано, что в войске их положено три. Главная их обязанность заключается "в предупреждении в войске скотскихъ болезней и падежей".

III. О б ъ у ч е б н ы х ъ з а в е д е н и я х ъ .

а/ Полковья и артиллерийская школы.

§ 440. Въ Кавказскомъ линейномъ войске учреждаются: а/ въ каждомъ полковомъ округе — полковая школа, и б/ въ месте расположения бригадного штаба конно-артиллерийской бригады — школа артиллерийская.

Въ полковья школы, сверхъ штатнаго числа казачьихъ малолетковъ, разрешается принимать малолетковъ горцевъ, по желанію ихъ родителей, до 10 мальчиковъ въ каждую.

§ 441. Число учениковъ въ школахъ ограничивается: а/ въ полковой — 50, б/ въ артиллерийской школе — 20 казачьими малолетками.

§ 442. Въ артиллерийскую школу зачисляются казачьи малолетки преимущественно сироты и добровольно желающие.

§ 443. Цель учреждения школъ полковыхъ и артиллерийскихъ есть та, чтобы доставить Кавказскому казачьему войску возможность иметь грамотныхъ и расторопныхъ урядниковъ, какъ въ полкахъ, такъ и въ артиллерийскихъ батареяхъ.

§ 444. Полковья школы, по хозяйственной и учебной частямъ, состоятъ въ непосредственной зависимости отъ бригадныхъ и полковыхъ Командировъ по принадлежности; а артиллерийская въ непосредственной зависимости бригаднаго Командира конно-артиллерийской бригады Кавказскаго казачьяго войска. Школы находятся подъ высшимъ надзоромъ Войскаго Наказнаго Атамана.

§ 445. Предметы обучения малолетковъ въ полковыхъ и артиллерийской школахъ устанавливаются те, какие определены 1661 и 1662 ст. части I книги 3 Свода Военныхъ Постановленийъ для кантонистскихъ эскадроновъ и батарей, именно: фронтное образование въ казачьей линейной службѣ, а въ артиллерийской, кроме того, действию при орудіяхъ, и науки: Законъ Божій, Русская Грамматика, чистописаніе, Арифметика до тройнаго правила включительно, рисованіе; въ артиллерийской же школе, сверхъ того, и артиллерійскія записки.

§ 446. Издержки на содержание школъ, пособие неимущимъ ученикамъ и число преподавателей наукъ, определяются штатомъ.

§ 447. Малолетки, по достижении совершеннаго возраста, укреплениа въ силахъ и приобритении надлежащихъ познаний въ наукахъ, выпускаются изъ школъ и зачисляются на службу въ свои полки или въ батареи, где и производятся въ урядники за хорошее поведение, или приобритение нужныхъ по фронту практическихъ познаний службы, не прежде однако же, 3 летъ; за отличія же въ делахъ противъ непріятеля, могутъ быть произведены и прежде сего срока.

§ 448. Выпускъ делается одинъ разъ въ годъ въ декабре, по представленіямъ полковыхъ и бригадныхъ Командировъ, съ утвержденіемъ Войскаго Наказнаго Атамана.

б/ О б р а з о в а н и е д л я в о й с к а о ф и ц е -
р о в ъ .

§ 449. Для преподаванія Кавказскому казачьему войску способныхъ имѣть изъ среды своего сословія образованныхъ офицеровъ, составляется 16 вакансій для детей чиновниковъ этого войска, въ

следующих военно-учебных заведениях: в артиллерийском училище-4, в кадетских корпусах. Втором: и в Павловском-8

§ 430. Издержки потребны на содержание сихъ детей въ корпусахъ и въ артиллерийскомъ училище, относятся на войсковыя суммы. Изъ этихъ же денегъ употребляются и прогоны на доставление детей въ учебныя заведения.

§ 451. Независимо от сего назначается 8 вакансий во Второмъ, Павловскомъ, I и 2 Московскихъ кадетскихъ корпусахъ, въ каждомъ по две вакансии для детей штабъ и оберъ-офицеровъ убитыхъ въ делахъ с неприятелемъ или умершихъ отъ ранъ, а также и для детей штабъ и оберъ-офицеровъ, которые долговременною и отличною службою приобрели право на особенную къ нимъ Монаршую милость.

§ 452. Дети сии содержатся въ корпусахъ на счетъ казни, а доставляются туда на счетъ войска.

Конец.

ТО НЕ ЧЕРНЫЙ ВОРОН.

Старая Линейная песня.
Слова ее сообщил Д.П.
Вертепов.

То не черный ворон
В поле вьется
Над вершинами скал,
То тавлинцы идут
В черных бурочках,
Строят свой завал.
Они строятся,
Укрепляются,
Линейцев все ждут.
Горе будет вам
Вам - тавлинцам,
Как линейцы придут.
Поразгонят вас,
Вас - тавлинцев,
Как орел гусей.
Всех порубят вас,
Вас - тавлинцев,
Как малых детей.

ХРИСТИАНСТВО СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ.

В связи с 1100 летием Государства Российского о чем так много говорится и пишется в русской прессе, небезынтересно будет вспомнить о том, что более чем за 600 лет до Крещения Руси, христианство стало проникать в земли Закубанья, заселенные черкесами.

Оно, прежде всего, было принято их племенами, жившими на Таманском полуострове и на побережье Черного моря, а затем, распространилось на восток включительно до земли Кабардинской. Существовало оно среди черкесов в течение 14-ти веков и лишь в начале XVIII века было вытеснено исламом; но и до настоящего времени, на Северном Кавказе, в районе Мозока, проживает до 2.000 православных кабардинцев.

В древние времена черкесы были язычниками; они почитали Аполлона, Посейдона и некоторых других греческих богов; но были у них и свои боги: ПСЭТХЭ-бог жизни, Амыш-бог животных, Лашхо-бог неба и другие.

За несколько веков до Рождества Христова, греки основали на берегах Понта-как тогда называли Черное море, в Крыму, на Таманском полуострове и на восточном побережье Понтийского/Азовского моря/ряд колоний, которые образовали Босфорское царство, получившее такое название от Босфора Кеммерийского, как тогда именовался Керченский пролив. Тогда на Тамани жили черкесы, остававшиеся там и при греках.

Вот они то первыми из всех черкесских племен, приняли христианство.

Согласно сказаниям о путешествии апостола Андрея, христианство стало появляться на Таманском полуострове "с раннего времени." Известно, что на Первом Вселенском Соборе в Никее, в 325 г. участвовал епископ Босфорский.

Царство Босфорское было разгромлено гуннами в IV веке, но и после этого, коренное население его- черкесы сохранило связь с Византией и на Вселенских Соборах: Втором в Константинополе /381 г./ и Третьем в Эфесе /431 г./ участвовали епископы Босфорские.

Особенно быстро христианство начало распространяться между черкесами, после того, как в царствовании Юстиниана Великого /527-565 г.г./, черкесы попали под власть греков. Тогда центром их церковного управления была Тамань, которая называлась Матрегою.

Не прошло много времени, как все черкесские племена стали христианами.

Надо отметить, что на много раньше, армянскими и армяно-албанскими миссионерами христианство было принесено в Дагестан; но в VII и VIII веках, после завоевания Дагестана арабами, которые вступили в беспощадную борьбу против веры христианской, быстро вытеснили ее и насадили там ислам.

Но черкесы не поддались влиянию его и продолжали оставаться христианами, подчиняясь Константинопольскому патриарху.

В VII веке, во время иконоборства, они продолжали почитать иконы.

В дальнейшем надо отметить событие, которое не имеет прямого отношения к распространению христианства среди черкесов, но представляет для нас-христиан известный интерес.

В 944-945 годах, русские дружины, в целях обойти с юга владения хозар, выйдя по Днепру в Черное море, высадились на побережье Северного Кавказа и через Закубанье, пошли к берегу Каспийского моря. Они прошли через земли черкесов, не признававших хозар, но дружески расположенных к русским.

Поход 944-945 г.г. дает основание полагать, что древне русское государство уже тогда прочно удерживало в своих руках Таманский полуостров, который до того находился под властью хозар.

Это происходило до Крещения Руси, значит тогда, на Таманском полуострове встретились ЯЗЫЧНИКИ РУССКИЕ и ХРИСТИАНАМИ ЧЕРКЕСАМИ, а через несколько столетий разгорелась кровавая война между ХРИСТИАНАМИ РУССКИМИ и МАГОМЕТАНАМИ ЧЕРКЕСАМИ.

В 1237 году Тамань посетил доминиканский миссионер Юлиан, который установил, что черкесы исповедывали православную веру. Стало быть, после разделения церквей в 1054 году, они католицизм не приняли, оставшись верными греческой церкви.

В XII веке пределы Кубанского края начали посещать итальянские купцы генуэзцы и основали там ряд своих колоний. Это были мирные колонисты, преследовавшие исключительно торговые цели; но, вместе с ними, в Закубанье проник католицизм. На Тамани, тамошний глава черкесов князь Везахт, вместе со своим народом принял католичество. В 1333 году он получил от римского папы особое послание с благодарностью за его "католическое усердие".

В 1350 году в Зихию/так назывались тогда черкесские земли/, прибыл, назначенный папою францисканец епископ Иоанн, который образовал и возглавил Зихскую католическую епархию.

Но, несмотря на это, большинство черкесов остались верными греческой/православной/ церкви. Среди Константинопольского патриархата, в конце XIII и в начале XIV веков, указывается и Зихский митрополит с местом пребывания в Матреке.

Такова фактическая сторона распространения христианства среди черкесов, что же касается сущности вопроса, то дело обстояло так:

Христианские храмы начали строиться в Закубаньи в царствовании Императора Юстиниана Великого. Их было очень мало.

Тогда же были поставлены греческие священники, но в таком небольшом числе, что пришлось рукополагать в священники/по черкески- в шогени/ местных жителей к этому не подготовленных, а, к тому же, в виду отсутствия письменности на местном языке, богослужения совершались на греческом языке и не были понятны не только для молящихся, но и для шогенов.

Влагодаря этому и несмотря на надобность народа, христианство являлось там не как догматическое учение, а лишь как новый обряд. Оно действовало на чувство и на воображение народа лишь внешностью богослужения, но не касалось его внутреннего мировоззрения.

По черкесскому обычаю, в церковь могли входить только шестидесятилетние старики, остальные оставались у входа в церковь, или у церковного притвора.

Черкесы крестили своих детей по достижении ими совершеннолетия. Имена при крещении давали по именам первых встретившихся иностранцев или в честь дедов и отцов.

В обычае черкесов входило соблюдение некоторых постов и это было для них тем более легко, что они, за исключением отдельных случаев, были крайне умерены в пище.

Дальнейшим религиозным стеснениям они не подчинялись, так например, супружеский устав их оставался в полном противоречии с церковными положениями.

При таких условиях, христианская религия не могла прочно укрепиться среди черкесского народа и, с уменьшением числа настоящих священников, христианские обряды мало-помалу стали исчезать из памяти народа. Обрядовая сторона религии стала видоизменяться в убеждениях и понятиях народа об исповедываемой им религии. Но

постепенно отходя от церкви, черкесы при молитвах всегда обращались к востоку, зажигали в домах восковые свечи и употребляли ладан.

К этим остаткам христианства, народ добавлял свои собственные обряды, родившиеся от суеверия и разных предрассудков.

Для молитвы они стали собираться под тенью деревьев, привязывая к их сучьям кресты, приносили жертвы и заканчивали пиром. Обряд этот носил название т а ш ь т.е. богоугодная жертва.

За неимением рукоположенных священников, выбирали старика надевали на него я м ы ч и т.е. белую войлочную мантию и тот, взяв

в руки деревянную чашу, наполнял ее вином, водкою или, даже, бузою и, обратившись лицом к востоку, читал молитву, большей частью импровизированную; потом он обращался к народу, призывая на него благословение неба и просил исполнить то, о чем присутствующие молились.

Вместе с тем, черкесы оставались набожными. Они никогда не клялись именем Творца, считая это для себя величайшим грехом. Каждый черкес вполне удовлетворялся, если клянувшийся произносил имя какого либо, всеми уважаемого, человека.

Потеряв нить истинного христианства они не могли оставаться без религии, в состоянии несвойственном человеку и потому примешивали к своим религиозным верованиям, понятия о многобожии, установляли посты и праздники в честь разных святых и почитаемых богов и таким образом, фактически, отошли от христианства.

А между тем, турки, овладев Крымом, стали распространять свое влияние на Кавказское побережье Черного моря, где они захватили Синды /вблизи Анапы/, Баты/Новороссийск/ и некоторые другие пункты на морском берегу, а затем и Таманский полуостров.

Черкесы пытались установить с ними добрые отношения, но это не мешало Крымским ханам постоянно тревожить их. Пытались черкесы жаловаться на безчинства ханов турецкому султану и это не помогло, тогда они стали искать сближения с народами Кавказа, в первую очередь с христианскою Грузией.

Вместе с ними, в годы царствования Иоанна Грозного, они завязали сношения с Москвою. Царь Грозный отказал в помощи им против турок, но охотно пошел с ними против Крымских ханов и в 1558 году имели место успешные совместные действия русских и черкесов против ханов и Литвы.

Царь Иоанн Грозный стремился установить прочную связь с черкесами. В этих целях, в земли последних были посланы русские священники, чтобы бороться против попыток крымских ханов внедрить там ислам. Были также посланы миссионеры священники в Кабарду.

Но, видимо, в вопросе борьбы с исламом не были предприняты серьезные шаги и вера магометанская, постепенно стала шириться в Закубаньи.

Все же распространялась она до начала XVIII века медленными шагами. Но в 1717 году, по повелению турецкого султана, крымские ханы Девлет Гирей и Казим Гирей вступили с сильным отрядом в пределы Закубанья и расположились станом на р. Белой на том месте где теперь находится станица Ханская. Они энергично принялись за распространение ислама. То ласками, то угрозами, то мечем и пожаром они распространяли магометанскую религию. Многие шогены/черкесские священники/ убиты, их пастырские жезлы расхищены и с презрением выброшены. "Память об этом событии сохранилась до последних дней в народной жизни:

- "Чтобы твое имущество, говорит черкес рассердившийся на соседа,

было расхищено, так как были расхищены шогейские жезлы !"

Старания крымских ханов не остались безплодными, магометанство стало шириться и из всех горских племен, первыми его восприняли, в своем большинстве, кабардинцы. Это можно объяснить также тем, что с давнего времени их соседи дагестанцы приняли ислам.

После водворения турок на восточном берегу Черного моря, влияние турецкого духовенства там усилилось и его учение, мало-помалу, хотя и с некоторыми трудностями стало распространяться дальше на восток.

Народные предания говорят о том сопротивлении, которое было оказано распространению магометанского учения некоторыми черкесскими племенами, как например натухайцами.

Шапсуги одними из первых приняли магометанство, стали строить мечети и молиться на юг. Но их соседи натухайцы, жившие в углу между нижним течением Кубани и берегом моря, продолжали поклоняться кресту и молились на восток.

Следуя новому учению распространять свою религию мечем, шапсуги, собравшись в значительном числе, напали на натухайцев, собрали все их кресты и сожгли их.

Оскорбленные этим их поступком натухайцы, вторглись в землю шапсугов и разрушили их мечети.

Между этими племенами началась междоусобная война, которая, как говорит народное предание, длилась больше 25 лет.

В таком состоянии черкесы встретили наступление XIX века. Магометанское духовенство продолжало деятельно распространять ислам между шапсугами и другими племенами, а натухайцы, оставшиеся без духовного руководства и без наставников не могли сохранить твердость своих верований и должны были отпасть от христианской церкви, что в действительности и случилось.

В первое десятилетие прошлого века анапский Гассан паша вступил с большим отрядом войск в земли черкесов и, то угрозами, то подарками, склонял их на свою сторону. Это ему было легко сделать, потому что в то время, черкесы, фактически, были лишены духовного руководства, так как за последние 50 лет, в Закубаньи насчитывалось только 6 настоящих христианских священников.

Должно также отметить, что распространению ислама среди черкесов способствовала все больше разгоравшаяся вражда между горцами и русскими. Фанатическое учение мусульманских проповедников сильно действовало на умы народа и поджигало его на войну против русских. Проповедуя магометанское учение, их духовенство ходило вместе с народом в набеги и на войну и все больше и больше приобретало влияние на него.

Слово "шоген", ранее означавшее священника потеряло свое первоначальное значение и шогенами стали называться люди знающие значение трав и умеющие лечить.

Итак - в начале прошлого века, ислам окончательно утвердился среди горцев Северного Кавказа, несмотря на то, что они долго оставались к нему равнодушными и продолжали считать себя христианами.

Мы не беремся устанавливать почему это произошло, но не можем не отметить, что помимо энергичных действий проповедников ислама, этому способствовала недостаточная настойчивость со стороны тех кто был заинтересован во внедрении и укреплении христианства среди горцев Северного Кавказа.

Как мы знаем, греки первыми принесли христианство на Северный

Кавказе, а в VI веке, при Императоре Юстиниане Великом строили в Закубаньи храмы и действительно насаждали там христианство. Католицизм стал проникать туда еще в XII веке. Царь Иоанн Грозный посылал туда миссионеров в XVI веке.

С тех пор, до внедрения ислама среди черкесов, прошли не годы и не десятки лет, а столетия, но за это продолжительное время ничем из возглавителей и руководителей христианских не были приняты меры для подготовки духовенства из среды черкесских племен, которые, получив серьезное духовное образование, могли бы не только совершать богослужения на родном языке понятном для молящихся, но и укреплять их в вере христианской.

Это сделано не было, к горцам изредка посылались христианские миссионеры, а в роли духовных руководителей ставились люди местные, не подготовленные в достаточной степени, которые должны были совершать богослужения на чужом языке не только для их пастырей, но и для них самих.

О том, что черкесы когда то были христианами указывают сохранившиеся у них до последнего времени названия дней недели, так: среду они называли б и р а с к е з и й, а пятницу б и р а с - к е ш х у о, т.е. малый и великий пост. З и й - малый и ш х у о - великий: , воскресенье т г а у м а ф /Божий день/. Этот день черкесы считали днем отдыха и потому не работали.

Старики-черкесы еще в начале настоящего века рассказывали, что помнят то время, когда крест, поставленный перед домом, или перед садом, делал их неприкосновенными и никто не осмеливался самовольно входить в такой дом, или сорвать что либо в саду. Всякая вещь, оставленная в поле без присмотра, если над нею поставлен крест, считалась неприкосновенной.

Умиравшие отец или мать, делая завещание своим детям и желая чтобы оно в точности было выполнено, складывали указательные пальцы своих рук крестообразно и тогда произносили свою волю.

Если какому либо аулу угрожала заразительная болезнь для людей или для скота, то на границе с тем местом, где свирепствовала эпидемия, горцы вкапывали крест. Обряд подобного крестовоздвижения совершался целым обществом, с большою церемонией.

Самым же неопровержимым доказательством того, что черкесы были христианами говорят развалины христианских храмов, оставшихся до последнего времени в Закубаньи, а также находимые в земле металлические распятия и горшки с углем и ладаном.

Источниками при составлении настоящего очерка служили:

1- Н.Ф.Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе т. I. СПб. 1871 г. Очерк Кавказа и народов его населяющих.

2- Ген.-лейт. Г.А.Леер. -Энциклопедия военных и морских наук т. I. 1883 г. и т. IV. 1889 г. С.Петербург.

3-Ф.А.Шербина. -История Кубанского казачьего войска т. I. 1910 г.

4-Р.Трахо. -Черкесы. Мюнхен. 1956 г.

В. Н а у м е н к о .

ОТРЫВОК ВОСПОМИНАНИЙ

О ЖИЗНИ НА КУБАНИ В ШЕСТИДЕСЯТЫХ И СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ ПРОШЛОГО ВЕКА .

Станичная жизнь разнообразилась в зависимости от времен года. Зимнее время самое скучное. Благо, в это время дни очень короткие и все время уходило на обычные работы по хозяйству. Главное дело — это уход за скотом: утром и вечером надо дать ему корм. На это уходит не мало времени: нужно наносить в баз/в скотный двор/ сена и разбросать его кучками для большого количества скота/20-30-50 и больше голов в хозяйстве/, при чем, носить сено приходилось на вилах из стога, обычно находящегося вдали от база. Стоги сена ставили подальше от строений из противопожарных соображений. Затем, надо напоить скот — это тоже не легкое дело. Нужно "натягать" из колодца в корыта воды при помощи "журавля"/в станице он назывался "звид"/, или прямо ведром 30-40-60 и больше ведер воды. Некоторые, особенно те, кто жил недалеко от реки, гоняли туда на водопой свой скот, при чем, зимой, у берега прорубались во льду длинные проруби. Кроме скотины, требовалось время для ухода за лошадьми, затем некоторые работы по хозяйству: починить воз или сани, привести в порядок плуг и борону и т.д. и т.д. На это уходил весь короткий день.

Женская работа заключалась в приготовлении еды, выпечке хлеба, стирке белья, кормлении птицы и уход за нею; многие пряли пряжу из конопли и делали из нее мешки/чувалы/.

Зимние дни коротки и население, с наступлением сумерок укладывалось спать. Только молодежь на улицах распевала песни и то не долго: часов с 9-10 вечера станица замирала и только лай собак и пение петухов нарушали тишину.

Так как ложились спать рано, то был обычай вставать "в досветки", т.е. до света.

Действительно, часа в 3-4 ночи станица почти вся просыпалась, в окнах появлялся свет от зажженных каганцов и, при их свете, шили, пряли, ткали и производили другие мелкие работы.

Каганец — это черепок, в который наливалось постное масло /олия/, или смалец. В этот черепок помещался фитиль, скрученный из полоски тряпки и зажигался.

Светил такой каганец очень слабо, но другого способа освещения не было. Тогда у людей было более острое зрение и при слабом свете каганца делали все: и шили, и пряли.

В то время не знали не только керосина и ламп, но и свечей не было в широком употреблении. Все пользовались только каганцами.

Только станичная аристократия имела свечи и то сальные/стариновые появились позже/.

Сальные свечи имелись в продаже в лавках, но больше делали их сами.

Я помню нашу форму для приготовления свечей: это спаянные вместе две железные трубки диаметром в обыкновенную свечу; в середину трубок этих вставлялись фитили из ниток, а сами трубки наполнялись растопленным салом и, затем, ставились на холод. Получались свечи своего производства.

В течение года станичная жизнь, в общем, протекала в таком порядке: после Рождества наступал мясоед, продолжавшийся до масленицы 1-1 1/2 месяца в зависимости от Насхи.

Период этот изобиловал свадьбами, так как многие не успевали

сыграть свадьбу в осенний мясоед.

К концу мясоеда надо подумать о яровых посевах, привести в порядок земледельческие орудия. В это время начинают телиться коровы и овцы; уход за маленькими телятами и ягнятами требовал времени.

Нужно подготовляться к Великому посту, запастись постным маслом для харчей.

В продаже в станицах постного масла не было, так как его имел каждый хозяин.

Для масла толкли в ступах семя конопля, льна, подсолнуха, режия. Режий — это маслянистое растение, которое казаки любили разводить для масла.

После толчения, раздробленное семя растирали с водой: "хвалювали", до превращения его в густое тесто и везли в "олинец", т.е. маслобойню, где и выдавливалось масло.

У нас была чуть ли не лучшая в станице олинеца.

Наступала масленица. Она у нас на Кубани не пользовалась таким почетом как в России северной и средней.

В станицах не имели понятия о блинах. Ели только вареники, приготовлявшиеся в каждой семье в продолжении всей недели.

Можно сказать, что вареники у нас были тоже, что в России блины.

Не было в станицах и катаний на тройках, и гуляний как то было в России.

Масленица проходила в станице тихо.

Было впрочем в обычае, в последние дни перед Великим постом, ходить к родственникам и близким знакомым в гости "прощаться", т.е. просить друг у друга прощения.

Не обходилось при этих "прощаниях" без выпивки, но шумного разгула не было.

Наступил Великий пост. Надо поскорее отговориться перед наступающим периодом пахоты и посева. Поэтому первые две недели поста было особенно много говеющих. Хуторяне тоже торопились отговориться и во время церковных служб, возле ограды было не мало подвод хуторян. Жители дальних хуторов, чтобы не ездить два раза в день для говения, проживали эти три дня у родственников или близких знакомых.

Чтобы не оставлять хутор без пригляда, иногда семья делилась на две части: отговестся одна, а потом другая.

Подходило время полевых работ: — нужно пахать под яровое и сеять. Сеяли раньше всего ячмень и овес, затем яровую пшеницу, лен, позже всего — перед самой Пасхой и даже иногда после не сеяли подсолнух, просо и садили баштан.

Ко второй половине поста станица затихала, говеющих было мало, население на полевых работах.

Только в такие дни как Вербное воскресенье, Стаги, Вынос плащаницы в станице замечалось многолюдство.

Наступала Пасха. В станице как то ярче чувствуется Великий праздник. Весь день, в течение первых 3-х дней, неумолкаемый колокольный трезвон, при чем трезвонили хлопцы-любители. По станице девушки в ярких новых платьях и платках, а парубки в новых бешметах гуляют по улицам и поют.

Часто встречаются пары: молодой казак с хлебом под рукою и молодая жена. Это молодожены, поженившиеся осенью или после Рождества идут поздравить с Праздником своих родителей.

Этот обычай строго соблюдался.

Были и качели, крутившиеся на горизонтальном валу, в вертикальном направлении—"перекидышки". На качелях этих весь день толпилось много народу. За удовольствие покачаться платили не деньгами, а крашенными яйцами; здесь же стояла кадушка, к вечеру наполнявшаяся яйцами. Приводили в движение качели любители хлопцы, так что движущая сила хозяину ничего не стоила.

Пожилые люди, на первый день ходили на кладбище проводить могилки своих близких.

Я тоже, помню, ходил с матерью на кладбище где была похоронена моя другая сестра Надежда, умершая от дифтерита 12-13 лет. Мать очень ее любила и долго о ней плакала; каждую Пасху ходила на кладбище, чтобы уронить слезу на могилку любимой дочери.

Для старух самым приятным праздничным развлечением было выгнать за станицу, на траву маленьких гусят и там пастись их. К Пасхе птица вылупливалась.

В конце Пасхальной недели в станице становилось пусто, — полевые работы: вспахать и посадить баштаны, просо, сояшники посеять.

После Пасхи наступило время полки баштанов и подсолнуха; был большой спрос на полольщиков.

Затем подходило время косить траву. Появлялись российские косари и пешие и на подводах. — "кибитках".

Тогда не было еще железной дороги от Ростова и косари шли пешком до берега моря, а дальше пароходом на Ейск, а на подводах — через Ростов.

После Троицы станица продолжала пустеть, а ко времени уборки хлеба — после Петра и Павла/29 июня/, совсем пустела.

К сентябрю наблюдалось оживление: многие обмолотились и переселялись со степи в станицу. Начиналась реализация урожая; нужно подготовиться к зиме: запастись одеждой и обувью; прикрыть хату и сарай; обставить сарай камышем и сделать многое другое по двору.

А главное оженить сына, выдать замуж дочку. И вот с конца сентября начинаются свадьбы, а после Покрова и до "Пелипивки" /Филиппова поста/ разгар свадебных гуляний — это главный период свадеб.

С наступлением Пелипивки, наступает тишина; только песни пабуксов и дивчат ежедневно по вечерам оживляют мертвую тишину.

Приближаются Рождественские Праздники. За неделю до них по утрам, ежедневно слышится визг свиней — это колят кабанов для приготовления к Празднику села и колбас.

Перед Праздником много мелких хлопот: нужно в млин съездить намотать борошна, нужно в олийници сбить олию для пирогов на кутью, нужно в город съездить за покупками и пр. и пр.

Наступает кутья/сочельник/. Тишина полная; весь день из каждого дыма/трубы/ валит дым — это хозяйки пекут пироги и готовят всякую "страву" к Празднику.

До звезды в этот день никто ничего не ест. Вечером в церкви звонят к вечерне. С темнотою появляется звезда и люди садятся вечерять. — едят кутью и узвар.

Сейчас же после вечера ложатся спать, т.к. завтра надо встать у досвита, чтобы идти к заутрене.

Даже песен в этот вечер по станице не слышно.

На утро праздничное настроение. Как и на Пасху, в течение трех дней трезвон на колокольне. На улицах заметно оживление: многие, не столь нарядные как на Пасху, ибо в кожухах и свитках,

идут поздравлять родных и знакомых. Группы хлопчат, человек по 4-5 ходят по домам славить Христа-поют: "Рождество Твое Христе Боже наш..." немилосердно перевирая слова.

У нас в станице не было обычая носить бумажную звезду и "вертеп", как это было в Малороссии.

Впоследствии, когда в станице стало много иногородних, и у нас хожили со звездой.

С наступлением темноты на I-й день по станице раздавались песни-колядки. Это молодые дивчата 13-16 лет ходили по станице колядовать, при чем колядовали под окном, в хату входить не полагалось.

К сожалению я не знаю слов колядок, потому что когда жил в станице был маленьким. Помню только начало колядки, которую пели дивчата под окном: "Коляд-коляд колядница, добра з медом поляница, а без меду не така-дайте дядько/титко/ пятака".

Под Новый год был обычай щедровать. К сожалению я и щедрюк не знаю, помню только начало одной:

-"Меланка/св.Мелания/ходила, Василька просила: Васильку мий батьку, пусти мене в хатку; я жита не жала, золотый хрест держала..."

На Новый год, еще задолго до рассвета, по всей станице слышался лай собак: -это хлопчаки-посыпальники ходят по хатам посыпать зерном и поздравлять хозяев с праздником.

Святки в станице проходили, сравнительно, тихо

Наступало Крещение. Накануне Крещенский сочельник-"голодная кутья". Не полагалось ничего не есть не пить до водосвятия, которое совершалось возле церкви в церковном колодце в 2-3 ч. дня.

После водосвятия вечерали и провожали кутью стрельбой из ружей.

На Крещение главное водосвятие на речке, после совершения которого была официальная пальба залпами взвода казаков под командою Станичного Атамана.

+ Др. С.М.М а щ е н к о .

Д-р А.А.ЖЕМЧУЖНЫЙ.

В настоящем номере заканчивается печатание рассказа доктора Александра Александровича Жемчужного - БРАТНЫ СПАСИТЕ....

Им и его покойною супругою Зинаидою Николаевною написано и частично напечатано, несколько рассказов, повестей, очерков и стихов о I-м Кубанском походе и из жизни на Кубани.

В номерах Кубанского Сборника были напечатаны стихи доктора о реке Кубани и рассказ "Слепой конь"

Доктор А.А. Жемчужный прибыл на Кубань в конце 1917 года и с тех пор связал свою судьбу с нашим Войском.

В феврале 1918 г. он организовал врачебно санитарную часть в отряде Бардижа, действовавшего в районе черноморских станиц, а с оставлением Екатеринодара и выходом в I-й Кубанский поход, доктор Жемчужный был назначен Начальником военно-санитарной части Кубанского отряда. В эту странную пору он проявлял трогательную заботу о больных и раненых, оказывая им, возможную в тех условиях помощь.

По соединении с Армией генерала Корнилова он был назначен на должность Помощника Начальника военно-санитарной части Армии и оставался таковым до окончания похода.

Затем, он принял участие во 2-м Кубанском походе в должности старшего врача одного из Кубанских полков, а к концу похода, был назначен Помощником члена Кубанского Правительства по делам здравоохранения.

После занятия Екатеринодара, он развернул в Екатеринодаре и в станице Кореновской два госпиталя из которых последний остался постоянной станичною больницей.

За его полезную деятельность, доктор Жемчужный был избран станичным Сбором, коренным казачком станицы.

В 1919 году, он, в роли члена комиссии едет в Париж для закупки медикаментов и госпитального имущества, как и получения его от американцев. Там же, одновременно, он изучил вопрос помощи инвалидам: подлечения их и снабжения их протезами.

По возвращении на Кубань, он организовал Правительственные мастерские для выделки протезов.

В конце 1919 года др. Жемчужный принимал участие в организации крупного издательства газет и учебных пособий, а, затем, был назначен Начальником Кубанского информационного отдела.

Он оставил Екатеринодар с отрядом Атамана Букретова и, во время трагических дней на Черноморском побережье, был, вместе с санитарною частью, пленен большевиками.

В дальнейшем, ему удалось вырваться из рук красных и, через Сибирь добраться до Австралии.

Там Александр Александрович принимает живое участие в жизни Кубанцев и помогает материально нуждающимся Кубанцам, в Европе.

Др. А.А. ЖЕМЧУЖНЫЙ.

БРАТЦЫ, СПАСИТЕ !...

/ Окончание. /

И вот, после такого счастья мне выпавшего нежданно-негаданно и вместо мечтаемой скорой встречи и возвращения домой в тайных надеждах на перевод в тыл и поближе к Кубани, уповая на ловкость и связи пана Мочульского, вышло совсем другое и такое, что не только надолго разделило нас большим расстоянием, но и принесло тревогу и страхи за судьбу свою, родни и Стаси.

Вот говорю я Вам о своем романе, а на душе и светло от воспоминаний и видения образов милых и родных, оживших в рассказе, но и тоска, и горевание, и тревога растет от мыслей: а вдруг и там, что случилось. Какое время было, какое лихо прошло по станицам, как ураган, как смерч и того еще хуже — гражданская война...

Ведь я на все это время застряв на фронте и своего полка не нашел даже. А про пана Мочульского и думать до него добраться уже нельзя было — далеко откатились наши войска от Польши. На Дон пришел с дивизией Дроздовского. Не отпускали меня дроздовцы, угоняли с ними итти воевать и дальше. Я же со своими предпочел: на конях двигаться, думаю, куда притче будет и до дому, до своей станицы достигну скорее. И будто бы не ошибся: ицем весело, споро, продвигаемся почти без остановки. И, Бог даст, споро и до моей родной станицы доберемся.

Ах, как порой на душе бывает тревожно и мысли в голову одна другой страшнее лезли. А сердце кровью обливается, когда подумаю какие напасти, какие страшные беды могли выпасть на мою станицу и на моих родных-дорогих и любимых людей...

— Я тож до своей станицы Кореновской пробираюсь и у меня там тоже самое дорогое — семья, про которую я еще с I-го Кубанского похода ничего не знаю. И Вас понимаю, дружище, очень хорошо понимаю, говорю Садовскому.

— Это я чувствую и потому то Вас опять прошу: если что случится со мною, наведаетесь к моим старикам и помогите им и Стасе в беде, если она стряслась над ними. Именно так сделайте, чтобы обо мне она не горевала. И мой последний вздох и мои все помыслы в час смертный, если настигнет меня теперь, — только о ней и о моих стариках...

Чем ближе к дому, тем сильнее тоска и так страстно нетерпение мое увидеть их, прижать к своей груди и быть с ними, и жить бы и не разлучаться никогда, никогда...

Но не суждено было Садовскому добраться до родного дома, до родной станицы. А, если бы это и случилось по воле судеб неисповедимых, то было бы горше, быть может, той доли, какая досталась Садовскому на нашем боевом пути на Кубани.

Вот что случилось со стариками Садовского и его любимой Стасей. В те дни когда по всей Руси великой разметалось красное пламя революции, то дошло оно и до Кубани в ликовании и радости свобод и уповании на новую, светлую жизнь, более вольную. Так празднично, легко, с надеждами окрылялись люди, вместе со свободой чаявшие конца войны и тревогам за ее печальный исход.

Но отзвучали гимны и праздничные песни революции о прекрасной свободе и счастье всем людям на земле, без рабства и цепей, без насилия и унетения человека человеком. Октябрьские тучи заволокли северные ~~сволицы~~ и поползли оттуда по всей стране.

Молниями страшных лозунгов:—смерть буржуям и кулакам, призывом разрушать до основания старый мир, засветились в черной злобе на буржуев, помещиков и торговых людей все злые силы мира. В темном, веками спящем сознании рабочих и крестьян, зажгли ненависть и жажду разрушения под улюлюканье вождей рокового октября.

Дошли и до Кубани грозные тучи, сгустились особенной злобностью против казачества, непринявшего новую власть и жившего своей привычной жизнью.

Но не устояло казачество перед соблазнами революционных посулов, не уразумев обмана большевистской пропаганды оно не оказало им надлежащего отпора. А когда Кубанское Правительство принуждено было, отойти за Кубань под натиском красных полчищ, брошенных на расправу с "золотопогонниками" и "кадетами", то еще с большим разгулом понесли вихри, разрушающие казачество, ненавистное иногородним и красному сброду, наводнившему Кубань и ставшему властью беспощадной и неумолимой в расправе с контрреволюцией, кровавыми методами "чека"—стиранием с лица земли старого мира, мира казачьего.

Вслед за октябрьскими днями, пришли страшные дни гражданской войны, первые ее стычки с кубанскими и корниловскими отрядами на Кубани и на Дону, одиночные бои красной гвардии с "врагами революции".

Безконтрольная и самочинная власть на местах первых дней так называемого военного коммунизма, власть первых ее палачей, наиболее жестоких и худших, случайно всплывших в мутном водовороте погромных страстей, не знала пощады "буржуям" и "кулакам".

Смерть, насилия произвол и муки надругательства над людьми, пришли вслед за коротким периодом тревожных слухов, после озлобленных выкриков и угроз иногородних на митингах и в личных частных перебранках с казаками. Но вот уже, из станицы в станицу, а вскоре везде и всюду обрушились на казачьи хаты и головы "суд и расправа", убийства, пожары и грабежи.

Не миновали они и станицы, где жили старики доктора Садовского и Стася. Черные дни революции пришли в станцу, уже притаившуюся в страхе от недобрых вестей и слухов о том, что творится в других, близких, станицах.

Когда карательный отряд чинил суд и расправу в одной из ближайших станиц, старикам Садовским и всем стало ясным, что не сегодня-завтра, очередь дойдет и до их станицы.

На базаре и на улицах иногородние держали себя вызывающе и кивали в сторону матери доктора Садовского, завидя ее:

—Глянь, полячкина свекровь, для дворяночки своей рыбку выбирает... Как не стараться, коли та старуху поверх головы задарила.

—Повытрусят товарищи не только добро, но и требуху за одно повыколотят из богатеев. Будет им нашими руками жар загребать!

—Земельку всю поровну разделят, а кто артачиться будет, того ради навозу закопают, чтобы не очень пахли буржуи проклятые...

—Слышали, бабоньки, в соседней станице всех буржуев расчеховостили: кого к стенке, кого в ревтрибунал пристроили, а кого и в "чеку".

—Сказывают и батюшку не помиловали.

—Это уж зря. Священную особу не к стати трогать!..

—Зря, не зря, а значит он, священник, буржуйскую сторону держал, против товарищей шел. и еще корниловцев в доме держал и панихицу по белым служил.

Слышит такие речи старуха Садовская и голова у нее кружится

от таких слов и ужасов содеянных. Скорее домой поспешает. Вернулась старуха ни жива, ни мертва и даже покупок не сделала.

Собрались на совет всей родней думать да гадать, как быть. И решили: податься со всем легким, движимым добром в предгорьях в станицу Андрюковскую, куда обычно, летом, на взятки перевозили пасеку; там места в стороне, укромные, большевикам торопиться туда да незачем и не скоро придут. А, если что, и дальше в горы уйти можно и там отсидеться пока Кернилов и свои кубанцы не выгонят большевиков с Кубани.

Упало сердце у Стаси. Не думала она, что и сюда, за тридевять земель придет беда, да еще от своих, российских граждан.

Старики суеются, добро прячут, закапывают здесь во дворе и на хутор отправили, собираются в дорогу, чтобы поскорее, незаметно выбраться и следы замести.

Опустились руки у Стаси, нет у нее дум о вещах. Сердце сжимается от недобрых предчувствий и тоски по милому Саше, по самому дорогому существу в мире, которого ждала и ждег, но верно не судьба дожидаться. Мрачные мысли тревожат ее: где милый мой мальчик. Придешь ли в добрый час, пока еще не отрезали путей в станицу. Пока она еще не покинула станицу вместе со стариками. Пусть бы пришел он и, если суждено, умереть вместе... жив ли, здоров ли, не разлюбил ли?..

Не спит Стася. Поставила большой крест и статуэтку Ченстоховской Божией Матери в углу под образами и стала горячо молиться.

Ставни закрыты. В доме тишина — легли уже спать спозаранку, чтобы в ночь, еще засветло выехать из станицы.

Стоит Стася на коленях перед Святым Крестом с распятием, перед образом Божией Матери и перед теми святыми, которым всегда молилась, а теперь, как к последнему прибежищу, с упованием глядели затуманенные слезами глаза, полные печали, горя и отчаяния. Слезы текут по щекам, горькие слезы отчаяния, и обиды, что выстрадала так много, что казалось, так недалеко был день встречи с милым и нареченным и... опять неведомо, насколько времени отдалается встреча и неизвестно, куда и как пойдет еще дальше от любимого.

На дворе залаяли собаки. За лаем раздавалась брань... Грянул выстрел и за ним неистовый визг раненной собаки, стук в ворота и громкое злобное в крике приказание: — "Отворяйте!... Эй, пошевеливайтесь!. Не то, иначе разбудим."

В хате засуетились встревоженные неожиданными ночными посетителями. Поднялся детский плач, заголосили перепуганные женщины. На них прикрикнули мужчины. В доме стало опять тихо. Думали —

Постучатся и не дождавшись ответа, решат, что нет никого дома и уйдут.

Крики стали злее, настойчивые и нетерпеливые.

Зажгли в хате огонь и, сквозь щели в ставнях, свет узкими полосками лег в саду по дорожке к воротам. Там группа вооруженных людей сбивала замок. Часть их отделилась, перелезла через забор и шла к крыльцу дома.

— Что делать? — немые вопросы растерявшихся, попавших врасплах в западню.

— Не сдамся живым! — волновался старик Садовский.

Его успокаивали, говоря, что его — старика никто не тронет, за что, мол, старика обижать.

— Против силы нужна сила, а не горсточка да еще безоружных. Нам.

Бог не без милости, а мы не злодеи и никому худа не делали. Но — жет пришли так, для порядка, может кто зря на нас донес. Придут, погляцят, что все в порядке и уйдут, — утешали старика.

Открыли ворота и дверь в дом, встретили честь честью, спрашивая:

— Али дело какое есть?...

— Дело не маленькое — отвечают вошедшие. Сказывайте, куда добро припрятали.

— Нет у нас ничего прятанного. От кого свое прятать, честно нажитое свое добро, — с плачем причитала старуха.

— Молчи старая, огрызнулся один из спрашивающих. И до тебя черед дойдет, коли без ума будешь себя вести.

— Сказывайте, да поживее, времени мешкать с вами чам нельзя, работы у нас до утра не провернешь.

— Чего сказывать, коли все сказали, — осерчал старик. Пришли в хату — не спрашивались, стоите в хате шапок не скидываете, как разбойники и вороги. Мы люди честные казаки и добро у нас свое, не краденное. Хотим прятать, хотим — показываем, — наше, вот этими мозолями добытое.

— Слушай, старина, прикуси язык или подвяжи его до времени.

— Чего с ним много разговаривать! Коли много балакать хочет, мы ему место хорошее для разговора предоставим. Отведите старика и прочих мужчин в станичное правление, — приказал старший из пришедших с обыском.

— Никуда не пойдем из своего дома — протестовал и упрямылся старик за всех.

— А ну, товарищи, вяжи их, бери силой, коли добром не хотят итти.

Шум борьбы, крики протеста связываемых и брань нападавших. Над всем этим, громкий плач и вой женщин. Заголосили, заплакали, завывали в страхе и ужасе, закричали тонкими голосами в плаче ребята.

Айда, товарищи, с обыском. Шарь везде и у той благородной, у полочки, там есть что припрятать...

Слышит Стася все, что творится за стеною и чувствует, что надвигается страшное, роковое, от чего не уйти, некому спасти, некому отвести удар. Слова молитвы застыли на устах. Встала Стася с колена — преклоненного моления, взяла крест с распятием, перед которым до того молилась, приникла к Святому кресту, ища в нем защиты и спасения. Перекрестилась, одела на себя крест и, придерживая его рукою, подошла к дверям прислушаться, что будет дальше. Глянула в дверную щелочку и... замерла. Идут люди в серых солдатских шинелях и в мерлушковых папах, с винтовками в руках. Лица суровые, злобные, шаг тяжелый, решительный.

— Зачем они идут, что им надо от меня — несчастной сироты, покинутой в беде, беззащитной женщины... Эти люди не помянут... Что делать?... Отпрянула от двери. Заметалась по комнате, ища выхода и спасения...

— Нет, нет... Я не хочу умирать, не повидав Сашу, не хочу... шептали бескровные губы и слезы катились из глаз...

И вдруг она вспомнила страшные рассказы про зверства и насилия, творимые в других станицах, про насилия и наругательства над беззащитными женщинами...

— Нет, нет и нет!... — простонала Стася в отчаянии и страхе. Нет, нет!... Живой не сдамся, лучше смерть, чем позор и поруганье... Вот на стенке висит Сашино ружье, оно заряжено. Да, да! Она будет защи-

щаться.

Сняла ружье и стала вспоминать: вот так, шептала она про себя, — так учил Саша на охоте: приложить приклад к правому плечу, левую руку на ложе снизу, дальше курка; глаз на мушку через разрез вдоль жолобка между стволами; крепче прижать к плечу, спокойно, не жмурить глаза; правая рука у курков... Целиться не торопясь, не задерживать дыхание. Цель сажать на мушку.... В мгновение вспомнила все Сашины наставления и все делала по порядку, как учил он ее.

Его карточка стояла перед ней на комоде. Стася видела Сашино лицо с кудрями русых волос, его губы в приветливой улыбке, его казачье, приветливое лицо.

— Вот он родной и близкий казак, в черкеске, глядит на Стасю, как бы ободряя ее, как бы говоря:

— Так... Так... Правильно. Молодец Стася...

— Так... Так... повторяла Стася, прилаживая ружье к плечу.

Стук в дверь и крики:

— Отворяй двери!

— Входите. Дверь не запетра! — кричит Стася.

Последний взгляд на Сашику карточку:

— Прощай мой милый, дорогой, мой любимый...

Дверь, с шумом и стуком открылась и сразу, гурьбой, в комнату ввалились товарищи, попятились и замерли в ужасе.

Пред ними стояла маленькая женщина с охотничьим ружьем, взятым на изготовку и спокойно целилась в середину толпы.

— Бери цель на мушку, не торопись, не жмурься, приложи крепче к плечу приклад и... нажимай курок — пронеслось в ее голове.

Маленькие пальчики, с силою, нажали на оба курка и прямо в толпу грянул выстрел из двух стволов...

Не выдержало слабенькое плечико Стаси, откинулась от сильной отдачи после выстрела сразу из обоих стволов, откинулась и упала навзничь Стася.

И, вслед за этим, ринулись с проклятиями, бранью и столами, те кто остался жив или был легко ранен, кинулись дикою, разъяренной толпой, топчя хрупкое тело маленькой Стаси, ударами прикладов добывая и терзая бездыханное уже тело, которое всего лишь за миг перед этим трепетало жизнью и сердцем, любившим так сильно. Только миг, вспыхнувший пламенем любви, осветил безстрашие перед жутким видением смерти, пришедшей с чужими людьми. Этот миг навеки разлучил Стасю с ее милым, которого так долго ждала она.

Страшная доля, жуткая смерть Стаси и такой же неожиданный смертный час молодому казаку Садовскому в отчаянном крике взметнувшийся к небу, к нам, уходившим от противника.

Было раннее утро. Уже рассветало, но солнце только, только брызнуло своими бледно-желтыми лучами на землю, на росистую траву, на белые хаты, на цветы и садоочки возле них и на серую дорогу по которой мчался неоседланный конь, сбровившего седока и на обезумевшего от страха, бегущего вдоль улицы за конем, Доктора Садовского, простершего руки в нашу сторону... его крики о помощи.

Крики дикие, страшные, в которых я, знавший все про него, услышал больше чем другие: в них слышал я и смертную тоску, и отчаяние, и боль, и обиду, что выстрадано так много и что близок уже был конец долгого пути, который приведет его к самому дорогому, близкому и любимому — к Стасе, к отцу и матери, к родной станице.

Братцы!... Братцы!... Спасите!... — Всплески мольбы, всплески протянутых к нам рук и... по простертому, упавшему от пуль настигав-

шего противника, промчались кони раздавливая тело и сердце доктора Садовского, так мучительно томившегося в тоске, претерпевшего так много ради долгожданной встречи с любимой и нареченной невестой.

Топот преследовавших затих, но в ушах все еще звенит неистовый вопль и дикий, отчаянный крик доктора Садовского, настигаемого врагом -

- Братцы!... Братцы!... Спасите !...

И вот в памяти всколыхнулись и ожили образы доктора Садовского - молодого казака и панны Стаси, милой его невесты. Оба убиты, оба в предсмертном миге думали об одном и том же и истекавшее от ран и тоски предсмертной сердце, билось до конца только любовью, только желанием друг друга.

Д-р А.А.Ж е м ч у ж н ы й .

ГЕНЕРАЛ Я.Г.КУХАРЕНКО.

В 1962-м году исполнилось 100 лет со дня смерти последнего Атамана Черноморского Войска - коренного черноморского казака Якова Герасимовича Кухаренко.

Его жизнеописание и портрет будут напечатаны в следующем номере Кубанского Сборника, здесь же лишь отмечается, что погиб он при следующих обстоятельствах:-

Занимая в последнее время должность Начальника Нижне-Кубанской кордонной линии, он должен был выехать по делам службы в Ставрополь.

Путь лежал вдоль границы по правому берегу Кубани. Ехал он в экипаже.

Когда ночью, проехал он станицу Казанскую, то на него напала партия абадзехов, переправившаяся на правый берег Кубани.

Тяжело раненный Кухаренко был взят в плен и там, через несколько дней, умер.

Яков Герасимович Кухаренко написал несколько рассказов и других произведений из жизни черноморцев.

Его рассказ "Вороний конь" / Вороний кинь / печатается ниже.

В О Р О Н О Й К О Н Ъ .

Был у нас на Черномории старый казак, по прозвищу Кульбашный. Весь свой век прожил он одиноким хуторянином на речке Сасыке. Много у него было разного скота, человек он был "грошовитый" и умирая все свое состояние оставил на Божьи церкви.

Однажды на ростовской ярмарке, на которой черноморцы остранивались особым табором, Кульбашный продал "лошакив неукив" и стал расспрашивать где бы ему, на старости, купить выезженного, смиренного коня под верх.

А на ярмарке, как водится, между возами шныряли мошенники, подглядывая и подслушивая, что делается и говорится.

И вот один из них - чумаки, услышав, что Кульбашному нужен конь, подошел и обратился к нему:

-Я тебе, батьку, нашел бы хорошего коня, да далеко надо итти.

- А где? - спросил Кульбашный.

- Там где колеса продаются; да такой, батку, конь, что и малое дитя поедет. Ежели бы я не чумаковал, то купил бы его для себя!..

- А какой масти? - перебил его Кульбашный.

- Вороний, батку, там что за конь! сказано - запорожский.

- А, запорожский! - воскликнул Кульбашный - пойдем сейчас же.

Пошли.

- Там, недалеко от Савур-могилы, говорил по пути чумак, в балке жил один запорожец и недано умер. Как раз проезжали наши чумаки, похоронили старого козарлюгу, а коня взяли, чтобы продать, и деньги передать в церкви Божии, за душу покойного.

- Благое дело! И мне уже скоро умирать - говорит Кульбашный.

Так, идя по дороге, они разговаривают о том - о сем и старому Кульбашному невдомек, что он связался с мошенником. Он привык беречься москалей/а кто их не бережется?/, но чтобы среди чумаков были мошенники, Кульбашному и не снилось.

Уже давно они вышли из черноморского табора, перешли Бахмутский почтовый тракт; прошли возы с колесами, а тут недалеко и Темерник, где в балке стоят чумацкие возы с запряженными волами.

Между возами снуют чумаки, а как увидели своего товарища, который шел с Кульбашным, высыпали навстречу им.

- А что Трофиме! Расплатился? - спросил один из них пришедшего чумака.

- Нет, говорит, около воза не было - куда то ушел. А что это вы задумали? Переезжать что-ли? А вот старый батко хочет коня купить.

- Не купит! - одновременно крикнуло человек пять. Черноморцы народ скупой, да и ездят все на строгих конях.

Хотя последние слова и понравились Кульбашному, но что они сказали "не купит", его возмутило - как будто у него нет грошей!

А почему не куплю? возразил Кульбашный. Я и возы ваши вместе с волами могу купить.

- Ких-ких-ких! - засмеялись чумаки.

Кульбашный обозлился, что ему не верят и спросил:

- Где этот конь?

- Здесь!! ответил один чумак из за воза, отвязывая коня.

Взглянул на него Кульбашный и поджилки у него затряслись.

Обошел кругом коня и подумал: - Конь в летах, но и я не молодой...

- А что за него просите?

- Две сотни с половиною.

Дороговато - подумал старый и говорит:

- Чтобы не торговаться - полторы сотни!

- Да уступите, братцы! - проговорил чумак, что привел Кульбашного.

- Разве для тебя! Две сотни и квит - ответил один старый чумак.

- Давай гроши, батку! говорит Кульбашному его спутник - упустим этого коня, другого такого не найдем.

Подшел Кульбашный, осматривая коня. Взял его за повод, погладил по голове, повел рукою по шее, похлопал ладонью по спине, отступил, зашел сзади, глянул вдоль спины...

Хорош конь! Пусть же, говорит Кульбашный, на старости поезжу на таком коне, как в молодости у меня был. Берите гроши!

Подошел Кульбашний к тому чумаку с которым торговался, снял шапку, перекрестился, ударили по рукам. Вынул из кармана платок, отсчитал две сотни и отдал продавцу, взяв коня за повод полою.

Тебе, батку, суждено было иметь этого коня, сказал чумака, живи на здоровье!

Забросил Кульбашний повод на шею коню, взялся за гриву, понатужившись подпрыгнул — уже и на коне. Проехал шагом от табора; легко повел поводом; конь послушно повернул назад, пустил повод — Вороной пошел рысью. Остановившись перед возами, соскочил с коня Кульбашний, не может нахвалиться, благодарит чумака за доброго коня, порылся в кармане, вытянул "карборваньця"...

— То вам панове-чумацтво на могоарыч!...

— Спасибо! Не будешь, батку, ругать за этого коня; будешь вспоминать нас до смерти... А подайте хлопцы баклаг — зашумели чумаки — пока буде батькова, мы своею угостим...

Достали баклаги, нашли роговую чарку и пошло угощение!... Как полагается в таких случаях, было много выпито и сказано, особенно о запорожцах.

Почувствовал Кульбашний что закружила чумацкая горилка его голову.

— Не хочу, говорит, ехать "охляп" / т.е. без седла / , потому, что стыдно старому казаку ехать так на коне по ярмарке, как на кратденном!

— Правда! — зашумели чумаки. Правильно!

— Пойдем, говорит тот чумака, что привел его сюда, вместе, так как и мне надо по этой дороге, зайти по делам.

Пошли.

Разговорчивый чумака болтал без конца и Кульбашний, слушая его не обращал внимания на то, что делается позади.

Вот и Бахмутский тракт, прошли и его. Вдруг чумака спохватился:

— Что я, дурак, наделал. Мне надо поскорее людям гроши отдать, чтобы не назвали мошенником... а я с вами, батку, заговорился. Побегу поскорее вперед...

И побежал... А Кульбашний, пока тот не скрылся с его глаз, несколько раз крикнул ему вслед:

— Так заходи же, покончив дела, в наш табор на могоарыч....

Пройдя еще немного, вздумал Кульбашний взглянуть на коня.

Оглянулся назад: Свят еси Господи!.. Вместо коня чернец занузанный стоит, оборванный и трясется как невменяемый...

— Дух Святой с нами! — проговорил Кульбашний перекрестившись.

Огляделся кругом — никого невидно, только он с чернцем среди поля, коня нет, как будто и не было его.

— Эй батку и брате! — незнаю как тебя и звать? — заговорил чернец: — спасибо тебе на этом свете, а на том свете царство небесное!

Да бух Кульбашнему в ноги: ревет лежа как зарезанный, от плача слова не промолвит.

Кульбашний сбросил с чернца уздечку, бросил ее на землю, снял шапку, взял чернца за руку, поднимает, плачет и просит:

— Встань, человек добрый, встань пан-отче, будь ласков и Расскажи мне кто ты такой...

— Я был человеком лет двадцать — стал великим грешником и за то был проклят на семь лет — сделался конем, чтобы искупить свои грехи. Я слышал все как ты разговаривал с чумаками, но не мог ничего сказать, потому что был конем. А сейчас окончился срок моего

проклятия и я опять стал человеком...

Проговорил это чернец и снова Кульбашному в ноги. —

— Теперь я тебе достался, помоги мне, батьку, деньгами, а я и за себя и за тебя буду Богу молиться.

— Ну, если тебе прощено, то довольно плакать; вставай пан-отче! Вот тебе на расходы.

Дал ему пару карбованцев, взял узду и пошел к своему черноморскому табору.....

А что? Не обработали Кульбашного чортовы мошенники?

Разве нельзя было догадаться, что то был не чернец, а клятый мошенник?

Так нет! Было две причины подействовавшие на Кульбашного.

Первая — что чумаки мошенники, а не москаль, потому что их весь род украинский остерегается, а о том он и не подумал, что если украинец научится мошенничеству, то трех москалей превзойдет — как ученая ведьма бывает всегда злее настоящей.

Вторая: если бы не чернецом был подменен конь, то Кульбашный кинулся бы назад к чумацкому табору. /Как же не поверить чернецу?/

А все-таки, хоть и не сразу, надо бы было Кульбашному за ум взяться, так нет: крепкая вера большую силу имеет. ...

Пришел Кульбашный в свой табор, сел на воз, ... Сошлось к нему товариство: диво рассказывает им Кульбашный, удивляются... разводят руками... Пошли рассказы о том какую великую силу имеет проклятье. Один говорит, что когда был проклят Мазепа и весть об этом достигла до него в Бендерах, то он лопнул. Другой рассказал, что было когда-то, что мать прокляла сына, так он убежал от нее "повкулакою". Дальше пошли всякие разговоры и казачество всего табора повалило спрашивать о случившемся с Кульбашным.

Прошло несколько дней; уже пора с ярмарки по домам и Кульбашный пошел купить на дорогу дегтю.

Справившись со своим делом, возвращается он, с мазницею, назад, в табор.

Глядь — продается тот самый конь, что у него чернецом сделался.

И что же вы думаете? — Взять бы того продавца с конем и привлечь к ответу? Так нет.. Не так Кульбашный верил, чтобы усумниться!

Поставил он мазницу на землю, подошел к коню, наклонился к его уху и сказал шепотом:

— А що, пан-отче! чи вп'ять согришив? Кайся небоже!

И схватив мазницу в руки, кинулся бегом в табор, запрет воли и поскорее домой...

++ Я. Г. К у х а р е н к о .